

А.В. Чутчева

Алтайский государственный университет

МЕДИАОБРАЗ УКРАИНСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ЖУРНАЛЕ «РУССКИЙ РЕПОРТЕР»: В «ПОГРАНИЧНОЙ СИТУАЦИИ» МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА

Публицистика как особый вид журналистики актуализируется в кризисные, переломные моменты истории, каким и стал военный конфликт 2014 года на юго-востоке Украины. Медиаобраз украинского военнослужащего, формируемый публицистическими материалами журнала «Русский репортер», анализируется в категориях экзистенциального подхода с помощью семиотико-герменевтической методики.

Ключевые слова: публицистика, экзистенциализм, медиаобраз, экзистенциальные категории, «пограничная ситуация выбора».

The Publicism as a special type of journalism appears at crisis, turning points of history what became the military conflict of 2014 in the southeast of Ukraine. The media image of the Ukrainian soldier formed by publicistic materials of «The Russian Reporter» magazine is analyzed in categories of existential approach by means of a semiotics-hermeneutics method.

Keywords: Publicism, existentialism, media image, existential categories, "a boundary situation of a choice".

ЗАПАД ИЛИ ВОСТОК? Извечная славянская дилемма теперь стоит перед властью и народом Украины. Трагические события 2014 года навсегда разделят историю страны на «до» и «после». Гражданская война, развязанная правительством Украины на востоке страны, стала национальной трагедией для государства. Единый некогда народ разделился на два противоборствующих лагеря. Десятки тысяч украинских военнослужащих были отправлены своим командованием в Донецкую и Луганскую области для подавления сепаратистского движения. Оказавшись в «точке бифуркации», украинские граждане должны выбрать дальнейший путь развития. В этот переломный, судьбоносный период внимание практически всех мировых СМИ приковано к ситуации в Украине.

Риторика украинских СМИ, подконтрольных действующей власти, однозначна и безапелляционна: «Восток страны захватили русские и помогающие им сепаратисты и террористы», а все боевые действия являются «антитеррористической операцией» (АТО). Однако реальность оказалось иной: каждому солдату и офицеру пришлось принимать нелегкое решение и вести боевые действия с ополченцами — такими же украинцами, как и они сами, уничтожая города и мирных жителей.

Средства массовой информации оказываются также вовлеченными в эту войну. Можно смело говорить об информационном противостоянии украинских и российских СМИ. Телевещание — как самый массовый канал коммуникации — зачастую фокусирует свое внимание на «фронтовых сводках» и беженцах, не гнушаясь приемами пропаганды и контрпропаганды как с той, так и с другой стороны.

Российские качественные печатные СМИ в данной ситуации оказываются более свободными в выборе тем и ракурса подачи информации в публикациях. В журнале «Русский репортер» широко представлены материалы, посвященные событиям на Украине. В фокусе внимания журналистов не только ополченцы, миллионы беженцев, разрушенные войною города и их жители, но и представители украинских войск. Публицисты, стремясь к объективности в освещении данного конфликта, демонстрируют всю палитру мнений и оценок, так как «у каждого правда своя», а панэтизм — выдвижение на первый план нравственной оценки людей, их деяний, событий, в том числе социальных и политических — онтологически значимая традиция, характерная для всей отечественной журналистики [1. С. 222].

Лучшие отечественные журналисты в переломные, кризисные периоды обращаются к творческим ресурсам публицистики [2. С. 24], которая оказывается действенным и эффективным средством активизации духовного потенциала общества.

Публицистика — это тип социально-преобразующей, информационной деятельности журналистики, направленной на исследование и воспроизведение духовных ценностей человека и общества в целом в переломные периоды их бытия [2. С. 11].

К сожалению, публицистика в современном мире «вытеснена на периферию художественного опыта» [3. С. 26]. Однако гражданская война на Украине вновь вызвала всплеск интереса к публицистическому осмыслению действительности как со стороны авторов, так и со стороны аудитории.

Медиаобраз украинского военнослужащего, представленный в журнале «Русский репортер», многогранен и неоднозначен. Для выявления его характерных особенностей и специфики был использован экзи-

стенциальный подход, т.е. был проведен качественный анализ публицистических текстов, посвященных войскам АТО, в категориях экзистенциализма.

Под экзистенциализмом (от лат. «существовать») подразумевается направление в литературе, тесно связанное с одноименной философской школой, исследующее экзистенциальные состояния человека, который все время пытается понять смысл своего бытия в мире без Бога, среди иррациональности и абсурда, в состоянии страха и тревог. Применение экзистенциального подхода вовсе не чуждо ни отечественной журналистике, ни литературе, ни философии, еще Н.А. Бердяев указывал на «изначальную русскую экзистенциальность мышления» [4. С. 503].

Корреспонденты «Русского репортера», оказавшиеся в зоне боевых действий, стремились в своих публикациях показать не столько военные успехи или поражения противоборствующих сторон, сколько внутренний мир, сущность тех людей, которые оказались вовлеченным в этот конфликт, их непростые взаимоотношения с окружающей действительностью.

Гражданская война буквально «выбросила» огромное количество людей из привычных социальных групп, лишила их дома, работы, семьи. Граждане Украины гибнут на полях сражений, умирают от полученных ран в больницах, становятся беженцами. Здесь уже не столько социальная принадлежность, сколько изменение этой принадлежности, постоянные выбросы из прочных детерминант определяют сознание людей. Оказавшись в непосредственной близости от развернувшейся под ногами «бездны апокалипсического опыта и эсхатологических ожиданий», человек отчаянно стремится выжить в сложившейся критической ситуации. А тот, кто принес с собой войну и хаос — так называемые войска АТО: «украинские каратели» и «правосеки», — хотят не только жить, но и «отыскать смысл в кажущейся бессмысленности исторических событий» [4. С. 5], чтобы оправдать свои действия, оправдать убийство своего же народа. При этом резко возрастает экстремальная роль самого сознания (и мышления) в моменты предельных выборов и решений. Каждый солдат, ополченец или мирный житель оказывается один на один с историей.

В центре повествования исследование человека в «пограничной ситуации» — ситуации морально-нравственного выбора.

Для детального качественного анализа были взяты три публикации журнала «Русский репортер». В рамках герменевтической методологии использовался семиотико-герменевтический метод понимания. Основная цель герменевтического метода — «понять автора и его труд лучше, чем он сам понимал себя и свое творение» [5. С. 350]. Он позволил выделить в текстах традиционные для экзистенциализма категории и проанализировать их «переосмысление» современными российскими журналистами.

Экзистенциальная категория «человек в ситуации» — это человек в данных конкретных обстоя-

тельствах его жизни, окруженный чуждыми ему вещами, находящийся во власти определенных забот. Экзистенциалистов интересует не мир вещей сам по себе и не человек изолированно от мира, а именно человек во взаимодействии с миром [6. С. 56–57]. Другими словами, ставится задача исследования человеческой деятельности. В условиях нестабильности (военных действий, к примеру) ситуация становится «пограничной», «переломной», и в этих постоянно меняющихся условиях бытия индивид должен ориентироваться и принимать решения: *«Солдаты не хотят понять, что им придется брать инициативу на себя. Война не ведется по штампам. Война — это ежесекундная архикритичная ситуация, в которой происходит смерть! Поэтому солдату надо включать голову! Не надо стоять как бараны, когда твои товарищи просят о помощи!»* — рассказывает журналисту майор украинских войск, работавший в штабе АТО [7].

Ключевой категорией для экзистенциализма является **«свобода»**. По мнению ряда исследователей, экзистенциализм — это не что иное, как «философия свободы в ситуации огромного внешнего давления... в конечном счете, любые общественные структуры, рассматриваемые как враждебные человеку» [8. С. 27].

Свободный человек — это тот, кто не позволяет ситуации захватить над собой власть, кто выходит за ее пределы и, несмотря ни на что, осуществляет свой выбор: *«Разве можно дружить с теми, кто держит вас в плену?»* — спрашивает корреспондент пленного украинского журналиста, задержанного ополченцами. *«Вы ошибаетесь, — одними губами отвечает он. — Мы здесь чувствуем себя свободно»* [9].

Самым главным становится последний поступок свободного человека, чтобы можно было сказать: *«Я всегда оставался человеком, и мне не стыдно за свои поступки перед человечеством»* [10. С. 349]. *«У нас не семь жизней. Когда идешь на передовую и возвращаешься с двухсотыми, то уже не боишься сказать генералам правду в глаза. А что они мне сделают? Званий лишат? А я уже не один. Нас много. Но пока мы не критическая масса. Мы здоровый рациональный слой. И если мне скажут, что к девятнадцатому числу я должен очистить Донецк для того, чтобы жена президента Америки смогла проехать по нему в экипаже, запряженном тройкой, то я возьму такого генерала... и сломаю ему руку. И не я один. И за нами пойдут солдаты. А что такое маленький солдат на войне? Движущая сила»* [7].

Таким образом, свобода — это не наказание, открывающая возможность для самовыражения личности: *«...в машину запрыгивает улыбчивый парень, разительно отличающийся от тех, чьи обзвоненные голоса звучат рядом с автомобилем... И так хочется поверить этому спокойному голосу, этому открытому лицу, этому человеку без оружия, который не пьян и не орет на нас матом»* [11].

Категория «бытие с Другим». Экзистенциализм знаменует собой предел философии индивидуализма, ее логическое завершение и одновременно ее кризис и начало распада. Вся философия базируется на отдельном индивиде [12. С. 136].

Экзистенциализм — это торжество «центробежных» сил, разрушающих идею человеческой общности, в результате чего индивид сознает себя «выброшенным в мир», равнодушный или даже враждебный его существу: «Если население Харьковщины к нам еще нормально относилось, хотя и они первые два дня не пускали детей в школу, потому что это же бандеры приехали... то на Луганщине у нас случился настоящий переворот. Мы увидели, что девяносто девять и девять десятых процента местного населения за присоединение к России. И задали себе вопрос: **а что или кого мы приехали сюда защищать?**» [7], — говорит журналисту молодой украинский пограничник, охранявший границу в Луганской области.

Отдельно стоит сказать о таком чувстве, как «обида» со стороны украинских войск на своих сограждан: «Знаете, даже один довольно-таки взрослый человек подошел к нам и говорит: **“Вы, бандеры, едите детей младше семи лет. Они же еще не пьют, не курят!”** Один наш солдат не растерялся и ответил: **“Нет, мы в основном стариков едим. Их легче словить”**» [7]; «На Рождество я принимал российских детей у себя дома, — говорит он, прикладывая руки к груди. — Мы везде их водили, все им показывали. Покупали билеты обратно, а они приехали домой и сказали: **“Там бандеровцы! Они детей едят”**, — Остап обреченно роняет руки вдоль толстого тела. — И что ты будешь делать? Может, плохо так говорить, но я **не хочу с этими людьми жить в одной стране**» [7].

Оказавшись один на один со своим земным «уделом», человек познает случайность и хрупкость своего бытия, стремится к конечному уничтожению: «Провожали нас все равно что **в последний путь**. Дали самую уничтоженную технику. Ту, которая поедет и обратно уже не вернется... нам раздали крестики, молитвенники, а экс-губернатор [Ирина Сех. — А.Ч.] с трибуны сказала: **“Если надо умереть, то умрите!”**» [7].

В то же время в экзистенциализме индивид сохраняет свои связи с «другими», ему не безразлична их судьба. Послевоенная декларация Ж.П. Сартра: «Гуманизм — это экзистенциализм» [13. С. 319] также находит отражение в публицистических текстах «Русского репортера». «Другой необходим моему существованию, как, впрочем, и познанию себя. Открытие моего внутреннего мира открывает, одновременно, другого человека... открывает мир intersubjectивности» [13. С. 322]. Украинский офицер, вернувшийся с передовой: «**“Но мы ж, бандера неблагодарная, от добра добра стали искать. Боже ж ты мой... Да, мы запутались, это надо признать. Мы наделали много ошибок... Мы их уже не исправим... — По щеке скатывается слеза. — Прости, господи... — произносит он. — Прости нас, господи, — снова закрывает лицо и говорит из-под ладоней. — Я**

же от них, от русских, не отказываюсь... Я же ж их все равно люблю”» [7].

Категории «смысл жизни» и «бессмысленность мира». В экзистенциализме бессмысленность внешнего мира делает еще значимее присущую человеку жажду смысла, стремление к трансцендированию, которое (согласно экзистенциальной концепции) оказывается важнее и сильнее влечения к жизни: «жизнь любой ценой, скорее всего, означает жизнь без определенных ценностей» [12. С. 117]. Поэтому каждый герой публикации в «Русском репортере» имеет свои ценности, ради которых он поехал в мятежные области: «Первое, что было, — это **чувство патриотизма**. Я не могу сказать, что нам его внушили. Мы **внушили его сами себе**. На восток ехали на взводе, потому что **должны были... Защитить** нашу государственную целостность... Я **чувствовал, что должен доказать** им: мы не бандеры, а **просто люди с запада**. Агрессии у нас против них не было никакой, только словесная — в ответ. Все эти месяцы мы **воспринимали их как своих соотечественников**, хотя они отличаются от нас капитально. У нас каждый старается построить хороший дом, чтоб лучше, чем у соседа, а у них можно **“Вия” без декораций снимать...**» [7].

«Задав буквально пару вопросов, мужчина начинает сам рассказывать о наболевшем: о погибших товарищах, о женщине, которую в Донецке привязали к столбу, обвинив в пособничестве украинской армии, и призывали бить ее. (Верить в этот ужас не хотелось, но позже, добравшись до интернета, я убедилась, что рассказанное — правда.) — **Я воюю здесь за свою страну**. Донбасс — это часть Украины, и я не могу ее отдать» [11].

Однако были и те, кто не понимал, зачем он пришел на эту войну, зачем он убивает своих соотечественников. Так, журналист приводит свой разговор с инструктором родом из Донецка, который готовит солдат для военных действий и говорит на чистом русском: «...ехать никто не хочет. — **Смысла нема**, — оборачивается один из шеренги солдат. — **Сами не знаем, за чем едем**, но едем. — А если убьют, компенсация семье **шестьсот тысяч гривен**, — оборачивается еще один. — **И обеспечения у нас ноль**, — продолжает инструктор. Лицо его становится злым. — **Но мы все равно поедем**. Все, кто не за нас, против нас! — зычно, для бойцов, произносит он. — Я не капеллан и проповеди врагу читать не стану!» [7].

Смысл жизни обретают, совершая дело (подвиг), или переживая ценностные отношения, или путем страдания [14. С. 215]: «Пусть скажут, что была договоренность о разделе Украины: что западная часть должна достаться Польше, а России восток. И что **мы должны умереть ради того, чтобы это разделение было оправдано жертвами**. Нам же сказали: **“Если надо будет умереть, умрите!”**. Но **мы же не только мясо, у нас есть интеллект**. Объясните хотя бы нам, мы никому не скажем! В общем, морально было очень тяжело. Мы видели, как люди массово убегали — с веща-

ми, с детьми. Мы им, с одной стороны, **сочувствовали**, но с другой... там же под видом отца, мужа или брата мог бежать реальный сепаратист» [7].

Категория «выбора». Одной из важнейших составляющих экзистенциализма является категория «выбора». Осуществление выбора выражает свободу человека. «В каждый момент своей жизни, осознавая это или нет, человек делает выбор, исходя из своей экзистенции, ради самоосуществления» [14. С. 220]. Но выбирая поступок, тот или иной вариант поведения, личность выбирает себя. Уехать или остаться, идти воевать или стать дезертиром: **«Ненависти к этим, из ДНР, я не чувствую, но по-другому не могу. Это моя страна, я должен ее защищать. Для этого я и университет пока бросил, и работу... А закончится война, снова буду ездить в командировки в Донецкую область. Думаю, местные люди все поймут, и мы с ними сможем найти общий язык. Если у меня когда-нибудь будут дети, а я уже и сомневаюсь, что они будут, то я им не стану говорить, что воевал. Не хотел бы, чтоб они это узнали...»** — из разговора корреспондента с восемнадцатилетним солдатом в штабе «Правого сектора» [11].

Категория «ответственность». «Совершая свой выбор, человек выбирает всех людей» — выбор всегда ценностен, всегда «утверждение добра». «Сотворение себя» знаменует сотворение образа человека как такового, «человеческой реальности», а значит, индивидуальный выбор ангажирует все человечество [15. С. 220–221]. Отсюда ответственность, возлагаемая на каждый акт выбора. Человек вынужден действовать, как если бы он был примером; взоры всех людей на него устремлены. Однако в публикациях «Русского репортера» данная категория экзистенциализма понимается не как тяжкое бремя, а как осознание быть неоспоримым автором события или объекта: **«Кто такой герой? Это человек, который в отдельно взятой ситуации берет всю ответственность на себя... На войне право голоса имеют все. Решение принимает командир, но если оно неправильное, солдаты включают инициативу. Они берут командира за ухо и говорят: “Слушай, мы тут чьи друзья — украинских граждан или русского медведя?”»** [7]; «...никто не смог бы сказать, что случится с нами следующей ночью, если бы этот рядовой паренек из “Правого сектора” не **взял на себя такую ответственность** и не принес нам телефоны» [11].

Но были и те, кто отказывался от ответственности: **«Знаете, почему те, с кем вы встречались, задают себе такие бестолковые вопросы: “А почему мне не отдают приказа стрелять во вражеский беспилотник?”? А потому что они морально не готовы взять на себя ответственность. А почему бы ему, солдату, не сделать так: пах! — ой, упал. И что ж он такого плохого сделал? И как же его накажут? Родителей вызовут на передовую?!»** [7]; **«На мои вопросы о мирных жителях, ежедневно гибнущих от обстрелов, все мои собеседники отвеча-**

ют одно: “Пусть уезжают”. Ну как же, у мужчин война, **им не до таких мелочей, как мирное население, так что те пусть выживают как могут. А не могут — значит, сами виноваты**» [11].

Категория «экзистенциальные состояния человека»: «страх», «смерть», «одиночество», «героизм», «подвиг», «самопожертвование», «месть», «обида» и др.:

- **«Знаете, я смерти боюсь... И чем больше времени проходит, тем сильнее кажется, что с тобой обязательно должно что-то случиться. Особенно боюсь мин и растяжек. Бывают такие — их между двух деревьев натягивают. Идешь и видишь: ага, растяжка, идешь к дереву, чтобы ликвидировать, а под деревом мина лежит, но ты уже расслабился, не заметил — все, подорвался. Если стану инвалидом, то застрелюсь, просто не смогу быть как те попрошайки, которые сидят без ног и просят милостыню»** [11];

- **«Стало страшно вато. Если уж политики и большие чины говорят “умрите”, то... они же лучше знают политическую ситуацию. У нас появилось чувство страха. А до того не было»** [7];

- **«Но солдаты до сих пор не могут понять... что они на передке, а там есть только смерть»** [7];

- **«А закончится это все, когда мы все поймем, что украинцы убивают украинцев. Никакая идея не стоит того, что мы сейчас делаем»** [9].

Таким образом, в материалах «Русского репортера» военнослужащие украинской армии представлены как «заложники» сложившейся ситуации. Однако Героем в глазах журналиста и читателя становился тот, кто в момент экзистенциального выбора противостоял «пограничной ситуации», оставался «свободным человеком», поступал в соответствии со своим личным морально-нравственным кодексом, жертвовал собой ради других: **«И я шепчу тихое “спасибо” вслед уходящему бойцу, который даже в условиях войны знает, что такое человечность. ...У этого зловещего, радикально настроенного “Правого сектора” тоже есть человеческое лицо»** [11].

Литература

1. Мансурова В.Д. Принципы самоопределения российской журналистики: контекст русской культуры // Жизненные силы русской культуры: пути возрождения в России начала XXI века. М. : Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2003. С. 222–233.
2. Марущак А.В. Отечественная публицистика периода «оттепели» (1953–1964 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук (10.01.10). Екатеринбург, 2009. 26 с.
3. Мельник Г.С. Современная публицистика: смена духовных приоритетов // Акценты +. 2002. №3–4. С. 25–29.
4. Бердяев Н.А. Русская идея / сост., вступит. ст. и примеч. М.А. Блюменкранца; худож.-оформитель Б.Ф. Бублик. Харьков : Фолио; М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. 624 с. (Вершины человеческой мысли).

5. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. Герменевтики : пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
6. Кузнецов В.Н. Жан-Поль Сартр и экзистенциализм. М. : Издательство МГУ, 1968. 278 с.
7. Ахмедова М. Образ врага // Русский репортер. URL: <http://rusrep.ru/article/2014/06/26/obraz-vraga/> (дата обращения: 10.09.2014).
8. Марсель Г. Трагическая мудрость философии. Избранные работы / пер.с фр., сост., вступ. ст. и примеч. Г.М. Тавризян. М. : Издательство гуманитарной литературы, 1995. 216 с. (Французская философия XX века).
9. Ахмедова М. Слеза ребенка больше ничего не стоит // Русский репортер. URL: <http://rusrep.ru/article/2014/07/30/sleza/> (дата обращения: 10.09.2014).
10. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М. : Республика, 2000. 639 с. (Мыслители XX века).
11. Королева Е. «А может вас просто расстрелять?» // Русский репортер URL: <http://rusrep.ru/article/2014/09/04/a-mozhet-vas-prosto-rasstrelyat> (дата обращения: 10.09.2014).
12. Мунье Э. Надежда отчаявшихся: Мальро. Камю. Сартр. Бернанос / пер. с фр. и примеч. И.С. Вдовиной. М. : Искусство, 1995. 238 с.
13. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М. : Политиздат, 1989. С. 319–344.
14. Пронина Е.Е. Психология журналистского творчества : учеб. пособие. М. : КДУ, 2006. 368 с.: ил.
15. Андреев Л.Г. Жан-Поль Сартр. Свободное сознание и XX век. М. : Гелеос, 2004. 416 с.

УДК 070

Г.И. Шостак

Томский государственный университет

СТРАТЕГИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛИЧНЫХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В ЗАГОЛОВКАХ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ

В статье рассматриваются коммуникативные стратегии создания заголовков с включением личных имен, а также названий профессиональных и социальных групп, свойственные британской прессе.

Ключевые слова: газеты, заголовки, коммуникативные стратегии.

The aim of the article is to define some communicative strategies of creating headlines containing a person's name and names of social groups common to British newspapers.

Key words: British newspapers, headlines, communicative strategies.

ИЗМЕНЕНИЯ в современной медийной системе основываются на новых технологиях, которые дают универсальный доступ к информации и становятся «важнейшим аспектом преодоления недостатка информации на различных уровнях» [1. С. 29]. Эти современные технологии позволяют удовлетворить спрос на журналистскую информацию, предлагая читателям разнообразную тематику из сферы политики, экономики, науки и техники, культуры, искусства и т.д. Новостные сообщения часто сопровождаются аналитическими комментариями, увеличивая ценность предлагаемой информации и общественный интерес к ней.

Чтобы ориентироваться в газетном информационном пространстве, читатели обращаются прежде всего к заголовкам и используют их как карту для навигации.

«Будучи первым элементом любого текста, заголовок формирует поле смыслового и объёмно-прагматического восприятия дальнейшего речевого материала» [2. С. 46], становится средством «личных контактов» читателей с событиями, что помогает прочитать сообщение и оценить его.

Цель данной статьи — рассмотреть коммуникативные стратегии создания заголовков с включением личных имен, а также названий профессиональных и социальных групп, свойственных британским газетам. Журналисты часто и активно используют такие стратегии как средство достижения коммуникативной эффективности заголовков новостных материалов: человек всегда интересен человеку, и журналисты стремятся показать событие не абстрактно, а через личность, решая информационные, рекламные и творческие задачи. Журналиста, сочиняющего заголовки в британских газетах, называют *headliner* или *headwriter*. Создание заголовков предполагает, что он знает традиции и вкусы своей аудитории и творчески использует разнообразные языковые приёмы. Тщательно отбирая лексические средства, *headliner* создаёт определенное информационное, эмоциональное и культурное поле читательского восприятия.

На основе анализа британских газет за 1990–2014 годы мы выделили стратегию использования личных имен и стратегию репрезентаций социальных групп в заголовках. Анализ использования личных имён пока-